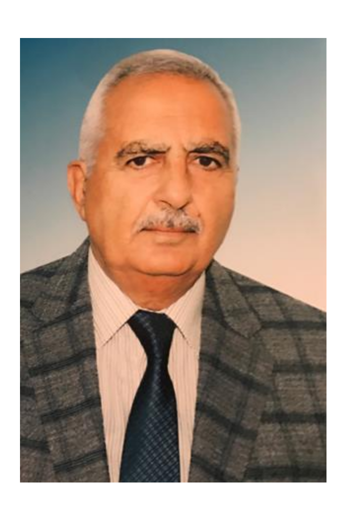
Ложь и правда о Низами

Рамиз АББАСЛЫ | Литературоведение

В прошлом году отмечалось 880-летие великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Низами – великий поэт, и, как все великие поэты, например, Гомер, Вергилий, Шекспир, Пушкин и т. д., он тоже принадлежит всему человечеству. Но есть люди, которые хотят во что бы то ни стало присвоить, приватизировать Низами, приписать его к своей литературе, чтобы придать более внушительный вид культуре своего народа. Продолжаются споры: кто же Низами – тюркский или персидский поэт? В «Большой советской энциклопедии» сказано, что Низами Гянджеви – азербайджанский поэт, писал на персидском языке. В «Большой российской энциклопедии» указано то же самое: Низами – азербайджанский поэт, писал на персидском языке. А «Энциклопедия Брокгауза» говорит, что Низами – классик персидской литературы.

Персидская литература в XII веке, в эпоху Низами, – простые люди это понимают так: в XII веке было какое-то персидское государство, так называемая Персия, а Низами был подданным этого государства, он родился, вырос, получил образование, творил и активно участвовал в созидании литературы этой Персии. А это абсурд, как говорится, курам на смех. В XII веке государства Персии не было. Персия (государство Сасанидов), к литературе которой хотят приписывать Низами, распалась в 650 году нашей эры. Когда родился Низами, прошло 500 лет после распада Персии, а он, то есть поэт Низами Гянджеви, никакого отношения к этому государству – Персии – не имеет.

Низами родился, вырос, получил отличное образование и как поэт творил в Сельджукской империи. Он поэт Сельджукского государства. В этом плане следует особо отметить энциклопедию Britannica, которая дает четкую информацию о месторождении поэта (Nizami Persian language poet, born c. 1141 Ganja, Salcuq Emperie – Низами, персоязычный поэт, родился в городе Гяндже Сельджукской империи). Правильно, ни слова о Персии. Если в XII веке не было Персии, то нельзя говорить и о ее

литературе, созданной в XII веке. Было Сельджукское государство, куда входил Северный Азербайджан – Арран, Античная Албания.

Большинство средневековых биографов Низами – Ауифи Садид-ад-Дин (XIII век), Доулатшах Самарканди (XV век) и другие – указывают местом рождения поэта г. Гянджа. Но в XVIII веке в одной из рукописей «Искандер-наме» были обнаружены строки, где говорится: «Хотя я затерян в море Гянджи, словно жемчужина, но я из Кухистана».

Исходя из этого, многие ученые, не исследовав этот вопрос, стали писать, что Низами родом из иранского города Кума. Однако в конце тридцатых годов XX века советский востоковед Е. Бертельс доказал, что в других рукописях «Искандер-наме» этой строки нет, и по этому поводу писал: «В лучшей и старейшей из известных мне рукописей Низами, принадлежащей Национальной библиотеке в Париже, этой строки нет». То есть это всего лишь грубая фальсификация – в те времена такое бывало: писцы от себя кое-что добавляли в основной текст. Многие исследователи этот факт учитывают – например, Francois De Blois и другие – и пишут, что эти строки – поддельная вставка. Да, многие ученые признают факт фальсификации и в своих работах учитывают это. А вот некоторым, как говорится, до лампочки, и они продолжают петь старую песню. В этом отношении необходимо отметить отрицательную роль в низамиведении оксфордского профессора Джули Скотт Мейсами. Она везде и всюду повторяет одно и то же, на основе лжи сочиняет сказки и со своими частыми «вероятно», «предположительно» и т. д. пишет, что Низами из иранского Кума, если даже он родился в Гяндже, но все равно его родители персы и, соответственно, он перс, персидский поэт, классик иранской литературы. Этот человек представляет, казалось бы, авторитетный Оксфордский университет, а своим явно ненаучным подходом к вопросу – то ли по незнанию, то ли преднамеренно – наносит ущерб и науке, и имиджу Оксфорда, и получается, что в настоящее время вся ложь о Низами формируется в Оксфордском университете.

Для того чтобы представить Низами персидским поэтом, известные профессора именитых университетов ссылаются на автора XIII века Киракоса Гандзасеки. Киракос в своей книге пишет, что в Гяндже живет «много людей – выходцев из Ирана и немного – христиан». Исходя из этого, именитые профессора сделали вывод: в XII веке в Гяндже было очень много персов и, соответственно, Низами – тоже перс, он персидский поэт. Основатель науки логики Аристотель не удержался бы и как следует поиздевался бы над этими псевдоучеными. Есть хорошая русская поговорка: я говорю про Ивана, а ты – про болвана. Действительно смехотворно, даже плачевно. Потому что этот вывод совершенно неправильный.

Во-первых, сообщение Киракоса относится ко второй половине XIII века (свою книгу он завершил в 1265 году), а Низами родился в первой половине XII века, точнее, в 1141 году. Разница составляет 124 года – срок немалый,

и никак нельзя утверждать, что за это время этнический состав населения Гянджи был постоянным; он должен был измениться и изменился. Изменился не только этнический облик, сама Гянджа тоже стала совершенно другой. Гатран Табризи (поэт XI века) пишет, что Гянджа – Рай. А в XIII веке Гянджа уже стала Адом: в 1225 году город был оккупирован хоразм-шахом Джалал ад-Дином, а в 1231 году Гянджу захватили монголы. Город был разрушен, сожжен, превращен в руины. Поэтому Гянджу XII века и Гянджу XIII века нельзя сравнивать. Если в 1265-м в Гяндже было «много персов» (а такой информации вообще нет, псевдоученые сами придумали это), то это не означает, что и в 1141 году там было «много персов».

Во-вторых, Киракос не пишет, что в Гяндже было много персов, в его сообщении нет слова о персах, речь идет о людях – выходцах из Ирана. Ни сейчас, ни восемь столетий назад население Ирана не состояло исключительно из персов; Иран был и остается многонациональной страной, там жили и живут персы, тюрки, арабы, евреи, греки, китайцы, индийцы и др. Как известно, этнический состав Передней Азии, куда входит современный Иран, сильно изменился в результате двух великих событий: в VII веке с запада и юго-запада в регион хлынули арабы, начиная же с X века на эту территорию с востока и северо-востока устремились тюркские племена. А монгольское нашествие в XIII веке всколыхнуло все.

Теперь кто ответит на вопросы: каков был этнический состав населения, о котором писал Киракос? Кто были эти «выходцы из Ирана»? Сколько арабов, тюрков, греков, евреев, индийцев было среди этих «выходцев из Ирана»? Были ли среди них персы? Скорее всего, там персов не было. Сейчас нет возможности точно ответить на эти вопросы. А почему же известные профессора сделали такой поспешный вывод? Почему сообщение Киракоса они трактуют неправильно (якобы Киракос сообщал, что, когда родился Низами, в Гяндже было много персов)? Почему они не учитывают сообщений арабских историков, географов и путешественников XI и XII веков, которые, в отличие от Киракоса, дают более конкретную и точную информацию об этническом составе Гянджи и Аррана (Северного Азербайджана) в целом? Очень даже уместно было бы отметить, что они пишут: «Арран кишмя кишит туркменами», «Гянджа – туркменский город».

Необходимо учитывать и то, что Киракос свою книгу писал в период монгольского нашествия. Один из главных путей передвижения монгольских войск с востока на запад пролегал южнее Каспия, через территорию современного Ирана. Захватчики очень жестоко обращались с мирным населением. Поэтому те, у кого была возможность, спасая себя и своих близких, бежали подальше от этой территории, скрывались в более безопасных местах, одним из которых был Арран – Северный Азербайджан. И Киракос прав: действительно, в середине XIII века на западной окраине Азербайджана, в Гяндже, было много беженцев – выходцев из Ирана; и так как они были не местными людьми, а пришельцами, поэтому отличались от местного населения. Киракос тоже так сделал: в своей книге, отличая их от коренного населения, называл «выходцами из Ирана».

В поэме «Лейли и Меджнун» Низами пишет: «Мадери-мен Раисейи-горд». Некоторые переводчики переводили это как «Моя мать – курдианка». А если это предложение «Моя мать – курдианка» перевести на персидский язык, получается «Мадери-мен курдест». Есть более точные переводы, и в них слово «курдианка» заменено словосочетаниями «курдова госпожа», «курдова драгоценность». В этом разделе поэмы Низами рассказывает о смерти своей матери. Там же он упоминает своего отца Юсифа, но ничего не говорит о его национальности. Если Низами был намерен описать свою генеалогию, а «Мадери-мен Раисейи-горд» означает, что «моя мать – курдианка», то почему же он ничего не говорит об этнической принадлежности своего отца? В принципе, он должен был начать именно с этого, но только при одном условии: если Низами действительно был намерен описать свою генеалогию.

Испокон веков на Востоке, особенно после принятия ислама, роль мужчины в семье и обществе была доведена до абсолюта, женщина практически не была заметна, и национальность человека определялась исключительно по отцовской линии; официальное имя Низами: Абу Мухаммад Ильяс ибн Юсиф ибн Заки ибн Муайяд. Здесь Мухаммад – имя сына поэта, Ильяс – его собственное имя, Юсиф – имя отца его, Заки – имя деда, а Муайяд – имя прадеда поэта. В этой цепочке упоминаются имена пяти представителей рода Низами. А кто же они по национальности? Низами нигде не говорит об этнической принадлежности отца Юсифа и деда Заки. Но он говорит о своем тюркстве («Не признают моего тюркства»), обращаясь же к своему сыну Мухаммаду, он называет его тюркским отпрыском: «Господи, пощади и сохрани моего тюрчонка». У Низами нет строк, где так же отчетливо говорилось бы о его связи с персами. Если сам Низами говорит о своем тюркстве, если своего родного сына он называет тюркским отпрыском, то он сам – тюрок, его отец, дед и прадед – тоже тюрки. По-другому никак не получается.

По мужской линии Низами – тюрок. Но вместе с тем он пишет: «Мадери-мен Раисейи-горд». А как быть с этим фактом? Можно однозначно утверждать, что у Низами не было намерения описать свою генеалогию и уточнить вопрос своей этнической принадлежности. Если же он был намерен указать национальную принадлежность своей матери, то он должен был бы просто написать: «Мадери-мен курдест». А это можно было перевести как «Моя мать – курдианка». Предложение «Мадери-мен Раисейи-горд» нельзя четко перевести и уверенно сказать, что это означает: «Моя мать – курдианка». Спросите у любого простого перса (неграмотного пастуха, садовода), даже у перса-филолога с университетским образованием, что означает «Мадери-мен Раисейи-горд». Они скажут: «Мы не знаем, что это означает». Теперь спросите у этих людей, носителей персидского языка, а как сказать по-персидски: «Моя мать – курдианка»? Они тут же скажут: «Мадери-мен курдест».

В этом разделе поэмы, откуда взята строка «Мадери-мен Раисейи-горд», Низами рассказывает о смерти своей матери и о своем горе. При

этом он использовал словосочетание «Раисейи-горд». А что это означает? Это неоднозначное указание на этническую принадлежность матери поэта. Это метафора, которую можно трактовать по-разному. Знаток персидского языка, известный востоковед Е. Бертельс словосочетание «Раисейи-горд» переводит как «курдова госпожа». Курдова госпожа… По сообщению самого поэта, его родители не были богатыми людьми, они не были аристократами: аристократ свой насущный хлеб не зарабатывает вышиванием, это адский труд, надо было всем семейством сидеть и не покладая рук вкалывать с утра до вечера. Откуда же взялась госпожа в простой семье? По критериям того времени мать Низами не была госпожой, она была простой женщиной. Сам Низами был сыном в бедной семье; даже став известным поэтом, он не разбогател, поэтому молодой человек не сумел своевременно жениться – разменял четвертый десяток, а ходил холостяком. Это было даже неприлично и стыдно, поэтому при первой же возможности он устранил это несоответствие. Если бы ему не подарили рабыню Афак, его холостяцкая жизнь, наверно, продолжалась бы до неопределенного времени. Итак, Низами женился на рабыне – сын аристократа и уже известный поэт, тем более перс (ведь известные профессора не унимаются и пишут, что, мол, Низами – перс, он – персидский поэт), который гордился своим аристократическим происхождением, – иначе как понять его намек насчет матери, когда он называет ее курдовой госпожой, – никогда не женился бы на рабыне-турчанке; это исключается. Но откуда взялась госпожа (курдова или другая, все равно) в простой семье вышивальщиков?

Нельзя забывать, что более ста лет (с 970 по 1075 год) Гянджа была резиденцией Гянджинского эмирата, государства курдской династии (речь идет о правящей курдской династии, а не о курдском государстве) Шеддадидов. Более ста лет население Гянджи видело этих господ, наблюдало за ними, запоминало какие-то особенности их: манеру одеваться, говорить, вести себя в семье и общественных местах и т. п. А потом все это, передаваясь из уст в уста, стало приятным образом, хорошим примером для сравнения. Мать Низами была простой женщиной, но она чем-то напоминала этих господ, а сам поэт этим гордился и упомянул ее именно так: курдова госпожа. В Азербайджане такая традиция была и есть: очень пунктуального человека называют немцем, властную женщину называют Екатериной, крутого человека называют лезгином… Здесь уместно было бы упомянуть и героя И. Шихлы, имя которого – Русский Ахмед, а сам он вовсе не русский. Если учитывать все это, тогда получается, что «Раисейи-горд» (курдова госпожа) – всего лишь метафора, а метафора не может быть понята в буквальном смысле, ее четко и однозначно переводить тоже невозможно. Поэтому такие слова и словосочетания не могут быть аргументами для научных выводов.

Однако, чтобы не осталось даже тени сомнения, продолжим дискуссию. Допустим, «Раисейи-горд» – не метафора и Низами хочет сказать, что его мать – курдианка. Как уже отмечалось, в те времена национальность определялась по отцовской линии человека. Тогда «Мадери-мен Раисейи-

горд» означает, что отец матери Низами – курд. А кем была ее мать? Мы этого не знаем. То есть можно сказать, что эта женщина – наполовину курдианка, и это будет единственно правильный вывод. Кем же были родители родителей этой полукурдианки? Мы этого тоже не знаем и никогда не узнаем. Продолжая рассуждать таким образом, мы все больше и больше усложняем вопрос, поскольку хотим решить одно уравнение со многими неизвестными, а, как известно, такие уравнения не имеют однозначного решения. Надо признаться, что таким методом невозможно получить даже десятипроцентной доли курдской крови в жилах Низами. То есть, если даже слова поэта «Мадери-мен Раисейи-горд» перевести как «Моя мать – курдианка», этого совершенно недостаточно, чтобы утверждать, что Низами был курдом, и очень унизительно обсуждать такие вопросы.

Так что пора выходить из этой грязной игры, в которую мы попали по вине псевдоученых. А эту нелицеприятную полемику я завершаю цитатой из Архива Российской академии наук: «Выяснить этническую принадлежность каждого заслуживающего внимания автора, а потом расклассировать их по разным литературам – не такая уж легкая задача; во-первых, это было бы невыполнимо, потому что данных об этнической принадлежности старых писателей у нас нет и, наверное, никогда не будет; во-вторых, это было бы методично порочно до самой крайности. Следовательно, мы строили бы литературу по признакам крови, по признакам расы…»

Низами писал на персидском языке. Но в то время на обширной территории Сельджукской империи, куда входил и Арран – Северный Азербайджан, в том числе родина Низами, город Гянджа, который арабские историки называли «матерью городов Аррана», «туркменским городом», многие не персы писали на персидском языке. В Азербайджане персидский язык не распространялся и не имел никакого официального статуса даже в период расцвета Персидского государства (Сасанидское государство). Это подтверждается историческими фактами. В V веке, когда надо было перевести Евангелие на один из распространенных языков Албании (Аррана), о персидском языке речи даже не было. Евангелие было переведено на гаргарский язык; гаргары – тюрки, они и сейчас под таким же названием (гаргары) живут в Казахстане и Туркменистане. Этот и другие интересные факты отражены в книге албанского историка Моисея Каланкатуйского. По сообщению этого автора, в VII веке в Албании ни один образованный человек (чиновник, священник, дипломат…) не знал персидского языка. Этот язык знал только католикос Албании Виро, который изучал персидский язык в шахской тюрьме, где ему пришлось провести в заключении 25 лет.

При Арабском халифате же персидский язык сдал свои прежние позиции, арабский язык – государственный язык халифата, язык священной книги ислама – стал доминировать везде и всюду. При халифате литература в Передней Азии создавалась только на арабском языке. При

тюркских правителях (начиная с X века) появилась литература и на новоперсидском языке. А это по сравнению с его предшественником – среднеперсидским – был почти новый язык; он был сильно арабизирован, его лексика на 70 процентов состояла из заимствованных из арабского языка слов и словосочетаний. Это была смесь арабского (на две трети) и персидского (на одну треть) языков. Поэтому его называли новоперсидским языком; у него было еще одно название: арабо-персидский. Человек, знающий арабский язык, понимал и этот язык; студенты медресе легко осваивали его. Это был язык образованных людей, язык школярский, язык выпускников медресе, язык интеллектуалов. Необразованному персу этот язык был непонятен. Потому что там было очень много арабских слов.

Низами как выпускник медресе знал арабский и новоперсидский языки и при желании мог бы писать на одном из них или же, как Хагани, – на обоих сразу. Низами стал писать на новоперсидском. А это было не в новинку. В средневековой Передней Азии многие не персы писали на персидском языке. Сегодня псевдоученые заявляют, что на обширной территории Передней Азии не персы, писавшие на персидском языке, создавали персидскую литературу. Точно такая же ситуация была в средневековой Европе: после распада Римской империи на ее развалинах образовались десятки государств, для которых латынь долгое время, вплоть до XIX века, продолжала играть роль языка науки и литературы. Однако европейских ученых и поэтов (немцев, французов, англичан, шведов, чехов, поляков, норвежцев и т. п.), писавших на латинском языке, никто не причисляет к списку ученых и поэтов Римской империи. Поэтому в настоящее время не идут споры о том, например, Исаак Ньютон – английский или итальянский ученый. Хотя, взяв пример со своих соседей-азиатов, итальянцы должны были бороться, чтобы отнять великого физика у англичан и присвоить ему титул итальянского физика по той простой причине, что он – Ньютон – свои труды писал не на английском, а на латинском языке.

С помощью языка человек выражает свое отношение – чувства и мысли – к окружающему миру. Есть поэты, которые пишут на двух языках; таким был Хагани, который писал на арабском и персидском языках. Есть поэты, которые пишут даже на трех языках; таким был, например, Физули – он писал на тюркском, арабском и персидском языках. Было бы глупо и даже смехотворно считать, что каждый раз, переходя с одного языка на другой, Физули порой превращался в тюрка, писал на тюркском языке и создавал тюркскую литературу или же, превращаясь в араба, писал на арабском языке и создавал арабскую литературу (литературу Арабского халифата, который распался давно, но все равно Физули неустанно работал и хотел возрождать литературу несуществующего государства), а бывали моменты, когда все это ему надоедало, и он, превращаясь в перса, писал на персидском языке, создавал персидскую литературу, литературу несуществующей Персии – Сасанидского государства, которого уже не было, оно распалось тысячу лет назад. Это, как говорится, курам на смех.

Но, как ни странно, когда речь идет о Низами, некоторые ученые поступают именно так, и получается как раз – курам на смех. Уместно было бы напомнить известную поговорку: человеку прощается все, кроме глупости. Есть и хорошая русская поговорка: ребята, давайте без глупостей. Есть неопровержимые факты, связанные с жизнью и творчеством Низами, их надо учитывать и не трактовать превратно. Низами не родился в несуществующей Персии, он родился в тюркском государстве азербайджанских Атабеков, в азербайджанском городе Гяндже; он пишет о своем тюркстве, но никогда не говорит о своем персианстве, в своих поэмах он воспевает величие, доблесть и справедливость тюрков; своего сына он называет тюркским отпрыском… Все это говорит о том, что Низами – тюрок, он тюркский поэт.

Главное в искусстве, в том числе и литературе, – чувства и переживания человека. А это имеет национальную окраску. Но, чтобы исследовать это, надо как следует разобраться в вопросах сознания, самосознания, национального сознания и национального самосознания – это очень сложно. Стоит только вспомнить слова немецкого философа Шеллинга: «Философия является историей самосознания». Поэтому, не вдаваясь в подробности, попутно остановимся лишь на вопросе национального самосознания и отметим, что оно является ядром национального сознания. Национальное самосознание – совокупность представлений, традиций и понятий представителей нации и этноса, позволяющих воспроизводить эту общность людей как целое и причислять каждого индивида к данной социальной целостности. Без национального самосознания нет литературы. А получилось так, что при исследовании творчества Низами – то ли преднамеренно, то ли по незнанию или это было просто упущение – этот важный момент не был учтен. Поэтому очень важный вопрос исследовался несерьезно, ненаучно.

Если Низами – персидский поэт, то он должен соответствовать понятию персидского поэта своего времени, и его есть с кем сравнивать: это Фирдоуси, который является типичным персидским поэтом эпохи Низами. Одной из главных особенностей Фирдоуси является его отношение к тюркам – он тюркофоб, что доказывается его же собственными словами в адрес сасанидского царя Ормузда IV (годы правления – 579–590). Ормузд IV был сыном сасанидского правителя Хосрова I Ануширвана и дочери хазарского хагана. Породнились правители двух великих держав, а это принесло много пользы в первую очередь Персии: страна процветала. Период правления (около сорока лет) Хосрова I Ануширвана считается золотой эпохой в истории Персии. А его сын Ормузд, по сведениям современников, был хорошо образован, по характеру очень хороший человек и справедливый правитель. Казалось бы, все нормально. Но почему-то Фирдоуси ужасно ненавидел Ормузда; даже такое впечатление, что, если бы была возможность, он растерзал бы его. Интересно, откуда такая лютая ненависть у персидского поэта к своему царю? Что он сделал, в чем провинился? Без серьезных причин не бывает такой ненависти. Да,

действительно, причина была. Объясняя причину своей ненависти к Ормузду, Фирдоуси пишет:

Отродье хаканово, семя в нем зла,

И видом – как та, что его родила.

Для Фирдоуси то, что связано с тюрками, – зло. У каждого человека есть что-то от той женщины, которая его родила. Безусловно, и Ормузд чем-то был похож на свою мать – турчанку. Фирдоуси же за это ненавидит его и оскорбительно пишет, что он, то есть Ормузд, «и видом – как та, что его родила». Таково было отношение Фирдоуси к тюркам: неприкрытая тюркофобия. Таков был персидский поэт эпохи Низами. Если Низами – тоже персидский поэт, то он в этом отношении должен был быть как Фирдоуси, то есть и он должен был быть тюркофобом. Сравнение же этих двух поэтов выявляет совсем другое: Низами – не тюркофоб. Он даже симпатизирует тюркам. «Симпатизирует» – не то слово, он их любит, восхищается и гордится ими; он воспевает их отвагу, героизм, красоту, справедливость и великолепие.

Красоту и великолепие природы Низами сравнивает с тюрком: красивый цветок появляется на лугу так, как будто тюрок разбивает себе палатку на склоне горы; солнце, восходя с востока, гордо и величаво, как тюркский султан, поднимается все выше и выше, дает свет и жизнь всему миру. Для Низами самый прекрасный край, самая лучшая страна – это Тюркистан; самый справедливый правитель в мире – это тюркский правитель; если тюркский правитель несправедлив, то он – не тюрок. По мнению Низами, если турчанка красива, то это так и должно быть, потому что некрасивой турчанки не бывает; если женщина другой нации красива, то потому, что она похожа на турчанку; если у какой-то женщины осанка, глаза и улыбка красивы, то это так потому, что ее осанка, глаза и улыбка напоминают осанку, глаза и улыбку турчанки. Обращаясь к Искандеру, Низами пишет: если ты покорил Индию и Китай, то ты тюрок в греческом шлеме (головном уборе); обращаясь к мусульманскому пророку Мухаммеду, он пишет: ты такой великий и бесподобный, не может быть, чтобы ты был арабом, ты – турок в арабском одеянии (дословно: ты араб только на вид, вся твоя суть – турок…). В этом списке нет только Бога, которого Низами сравнивал бы с тюрком. А он этого не делал только потому, что его религия – ислам – не разрешает сравнивать человека с Богом. На этом я завершаю полемику, а в заключение привожу слова известного востоковеда Ю. Марра: «Неизменный образ турчанки как поэтический символ женской красоты, многочисленные афористические выражения, языковые обороты, характерные именно для тюркского (азербайджанского) фольклора, народного языка, многие прямые указания и намеки самого поэта – все это обличает в Низами азербайджанского поэта, говорит о глубоких корнях его творчества».

Об авторе:

Азербайджанский писатель Рамиз Аббаслы хорошо известен и в России. Он принимает активное участие – и всегда успешно – в международных конкурсах и книжных выставках. Его рассказы публикуются в российских альманахах и сборниках. В Москве изданы две его книги. Критики высоко ценят его творчество; по их мнению, проза Аббаслы современна и неповторима, следует особо отметить структуру его рассказов – в этом плане он, безусловно, добился очень многого. За большие достижения в литературе в 2021 году он награжден орденом Святой Анны.

В многогранной творческой деятельности Р. Аббаслы публицистика занимает особое место. Характерной чертой его работ являются научность и объективность. В статье «Ложь и правда о Низами» автор затрагивает один из наболевших вопросов мировой литературы.